

УДК 37.012.2

ВОССТАНОВЛЕНИЕ НАРОДНЫХ ТРАДИЦИЙ В СИСТЕМЕ «РОДИТЕЛИ — ДЕТИ — ПРЕПОДАВАТЕЛИ»

Коротких А.Д.¹, студент гр. 310, II курс

Научный руководитель: Самарин А.В.¹, к.фил.н., доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский
университет (Старооскольский филиал)
г. Старый Оскол

В настоящее время складывается парадоксальная ситуация: обладая колоссальным культурным наследием, мы, по сути, утратили механизм его передачи потомкам. Если задуматься, то получается, что ни дети, ни их родители, ни даже представители старшего поколения зачастую уже не могут сходу назвать исконные праздники или обряды, которые веками составляли основу нашего уклада. На смену им приходят западные тренды, уверенно занимая место в каждом доме — от экранов телевизоров до предпочтений в музыке и одежде.

Это тревожный звоночек: мы рискуем превратиться в народ, который помнит свои корни лишь по картинкам в учебниках. Казалось бы, богатство нашей культуры огромно, но навык «живой» передачи этих знаний от сердца к сердцу оказался почти утерян. В связи с этим встает острейший вопрос: как вернуть подлинный интерес к своим истокам? Не формально, а органично вплести традиции в повседневную жизнь — чтобы они стали естественной частью воспитания детей, семейного досуга и даже школьной программы, а не превратились в музейный экспонат [3].

Главный учёный, который глубоко занимался этой темой, — Геннадий Никандрович Волков. Он создал науку этнопедагогику. В своей книге «Этнопедагогика» он пишет, что народная педагогика — это «история и теория народного воспитания». Волков подчёркивает: именно в семье строится «связующее звено между детьми и народом, подрастающим поколением и уходящим» [1, с. 37]. Связь поколений и сохранение семейного очага он называет «питательной почвой народной педагогики» [1, с. 3]. Опыт передаётся от старших к младшим прежде всего в кругу семьи.

В своих размышлениях он акцентирует внимание на особой роли старшего поколения — бабушек и дедушек. И это совершенно логично, ведь именно они, по убеждению исследователя, выступают ключевыми носителями культурного кода. Интересно, что в качестве аргумента он приводит личный пример: его собственная бабушка, не имея формального образования, тем не менее демонстрировала поразительное чутьё в вопросах воспитания и

глубокое знание народной педагогики, накопленное не в университетах, а через саму жизнь [2].

Такой опыт, по мысли Волкова, не просто ценен — он фундаментален. Это своего рода «база данных» мудрости, отточенная веками, которая становится лакмусовой бумажкой, главным критерием подлинной народности для любого, кто берёт на себя роль наставника [1, с. 3]. Здесь важно подчеркнуть: настоящий педагог, с точки зрения автора, не тот, кто владеет только современными методиками, а тот, кто чувствует эту глубинную связь поколений.

И действительно, если вдуматься, каждый из нас — это живое звено в непрерывной цепи времён. Волков ёмко формулирует эту мысль: наше существование невозможно изолировать от прошлого и будущего. По одну сторону этой линии — наши деды и прадеды, за плечами которых столетия; по другую — внуки и правнуки, которым предстоит нести эту эстафету дальше. Получается, что мы лишь краткосрочные «арендаторы» веками накопленной мудрости, и наша задача — не оборвать эту нить [3].

Сегодня та самая нить, о которой говорил Волков, оказалась разорванной. И дело не только в нежелании молодёжи интересоваться прошлым — многие родители и сами уже не могут выступить в роли проводников, потому что попросту не владеют знанием традиций. Причины здесь кроются в истории, и они достаточно серьёзны. Особенно показателен разрыв, произошедший в 1920–1930-е годы, когда целый пласт традиционных праздников был фактически изъят из народной жизни.

Возьмём, к примеру, Рождество. Как отмечается в материалах школы №42 г. Воркуты, размещённых на портале госуслуг, этот праздник ведёт свою официальную историю с X века — после крещения Руси его отмечали 25 декабря по старому стилю [4]. Однако после календарной реформы 1918 года дата сместилась на 7 января. Но главное даже не в смене чисел: церковные традиции оказались под запретом, и вместе с ними ушли в небытие многие обряды, веками сопровождавшие этот день. Сейчас, когда праздник возвращается в нашу жизнь, выясняется любопытная вещь: далеко не все знают, что канун Рождества — сочельник — требует особого подхода: строгого поста до первой звезды, приготовления двенадцати постных блюд (по числу апостолов) и обязательной кутьи из пшеницы с мёдом [3]. Получается, традиция есть, а знание о ней ещё предстоит восстанавливать буквально по крупицам.

Схожая ситуация и с Осенинами. Это название вряд ли что-то скажет большинству современных горожан. А ведь когда-то это был важный праздник урожая, приуроченный к дню осеннего равноденствия. Сотрудники Бийского краеведческого музея делятся подробностями: в этот день устраивали так называемые «капустные посиделки», благодарили землю за щедрость, символически обновляли огонь в домашнем очаге и чествовали семью [3].

Согласитесь, в этой традиции заложен огромный воспитательный потенциал — благодарность, труд, семейное единение. Но сегодня Осенины остаются для большинства лишь строчкой в этнографическом справочнике.

Даже с теми праздниками, которые, казалось бы, у всех на слуху, возникают смысловые искажения. Масленица — яркий пример. Многие воспринимают её исключительно как гастрономический фестиваль блинов, упуская из виду глубинный подтекст. Как подчёркивается в музейных источниках, Масленица — это сложный многослойный ритуал: здесь и проводы зимы, и прощение обид, и сжигание чучела как акт символического обновления. А Пасха? За красочными яйцами и куличами часто теряется её подлинное содержание. Мало кто сегодня может объяснить, откуда пошла традиция красить яйца, и уж тем более — вспомнить о существовании пасхальных игр: катании яиц, битках или забавных состязаниях вроде «прокрути, закрути, разбей, не бери», которые когда-то собирали вместе и детей, и взрослых [5].

Отдельного разговора заслуживают Святки — двенадцать дней между Рождеством и Крещением. Это было время, когда мир словно переворачивался: люди наряжались, ходили по домам, гадали. Колядование, как поясняет [Lenta.ru](https://lenta.ru), представляло собой обход дворов с песнями-пожеланиями, и ряженые получали за это угощение от хозяев [4]. Сегодня эта традиция сохранилась разве что в деревнях или в виде театрализованных представлений, утратив свою ритуальную основу. Это и есть главный диссонанс: мы либо стираем праздники из повествования, либо низводим их до уровня поверхностного «энтертейнмента», лишая той смысловой архитектуры, которая раньше служила навигатором для семьи и личности. Говоря языком алгоритмов (AI-переработка), мы потеряли «точку сборки» — глубинную модальность события, заменив её на сухую протокольность или пустую репрезентативность.

Музыка — это, по сути, естественный протокол инкапсуляции культурного кода, транслирующий его напрямую, минуя любые формы наставничества. Вплоть до недавнего прошлого человеческая жизнь была буквально вплетена в напевы: здесь не было места пустоте. Колыбельные — как обереги сна; обрядовые песни — как акустические вехи судьбы, фиксирующие переходы от рождения до ухода; а лирика и трудовые запевы — как ритмический каркас будней и застолий, не позволявший времени распадаться на хаос.

Волков лаконично схватывает суть этого феномена: «песни являются средством воздействия на чувства и сознание» [1, с. 31]. Однако для понимания механизмов культурной преемственности принципиально важно уточнить характер этого воздействия. Оно не принадлежит к сфере рациональной педагогики — не является передачей кодифицированного знания, которая требует последующей расшифровки и осмысления. Напротив,

это воздействие эмоциональное, импрессивное, работающее на дорефлексивном уровне. Сцена, где бабушка, склоняясь над кроваткой, выводит колыбельную, или момент, когда за большим семейным столом спонтанно, без всякого внешнего побуждения, запевают голоса, заученные в детстве — это не ситуация «урока». Это ситуация сопричастности, в которой культурный код передается не через объяснение, а через эмоциональное событие, через акустическое единство, минуя любые дидактические конструкции. Происходит именно проживание — в том смысле, который отличает интериоризацию от простого запоминания. Ребенок не реконструирует традицию по наставлениям, а впитывает ее через эмоциональное сопричастие: тепло совместного пения, единство ритма, синхронизацию дыхания. Это тот случай, когда культурный код передается не через дискурс(субъект-объектная дистанция), а через общее звуковое поле (субъект-субъектное слияние), где усвоение происходит минуя рассудок — напрямую присваивая телу и чувству то, что позже может быть осмыслено, но изначально дано как переживание [2].

Однако сегодня мы наблюдаем стремительную эрозию этой практики. Вектор современной цивилизации — ускорение, атомизация, примат визуального над аудиальным — закономерно вытеснил коллективное музицирование из числа естественных семейных ритуалов. Экранные развлечения предложили суррогат, где потребление заменило со-творчество.

Но эта тенденция, при всей ее инерции, обратима. Стратегии восстановления могут быть выстроены на трех уровнях:

1. Неформальное образование: семейные фольклорные кружки, где пение возвращает себе свою исконную функцию — быть не «развивающим занятием», а способом совместного бытия.
2. Институциональная поддержка: включение в школьную программу форматов, где родители и дети выступают не как «обучаемый» и «обучающий», а как равноправные участники творческого акта.
3. Перепрошивка технологий: использование аудио- и видеозаписей не как альтернативы живому пению, а как катализатора — инструмента, который снимает барьер «неумения» и делает домашнее музицирование доступным и привлекательным.

Ключевой момент — преодоление инерции. Как только сделан первый шаг, запускается механизм самовоспроизводства традиции: дети вовлекают родителей, родители делятся опытом, пение возвращается в ткань семейной жизни не как «мероприятие», а как естественная практика.

Кинематограф — это эмоциональный мост к культурным истокам. В отличие от сухой информации, фильмы, где оживают народные обряды,

праздники и знакомые с детства герои, предлагают не знание о традиции, а встречу с ней. Они становятся той самой «точкой входа», с которой начинается не изучение, а присвоение культурного наследия — через зрелище, через сопереживание, через радость узнавания [4].

Отечественное кино даёт богатейший материал: «Морозко», «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Снегурочка», «Илья Муромец», «Садко». В этих картинах запечатлены традиционные герои, сцены народных гуляний и подлинные фольклорные мелодии. Современное кино тоже не оставляет тему — мультфильмы о трёх богатырях вводят юного зрителя в мир былинных персонажей.

Но ключевую роль играет семейный формат: просмотр и последующее обсуждение. У старших появляется возможность объяснить младшим смысл происходящего — почему тает Снегурочка, зачем сжигают чучело на Масленицу. Так фильм перестаёт быть просто развлечением и становится мостиком между поколениями, поводом для разговора о традициях и ценностях.

Волков в своё время очень точно подметил сущностную природу народной педагогики. Он пишет, что она является «педагогикой масс, всеобщей педагогикой, а не педагогикой только педагогов профессионалов» [1, с. 5]. И в этом заложена глубокая мысль: воспитание традицией — это не узкоспециальная область, доступная лишь посвящённым, а стихия, в которой жили все — и родители, и соседи, и старшие в роду. Но парадокс в том, что именно профессионалы — учителя, методисты, работники образования — сегодня призваны стать теми самыми катализаторами, которые помогут родителям и детям заново открыть для себя этот мир. Получается, что на них ложится двойная нагрузка: не только учить детей, но и восстанавливать собственные «белые пятна» в знании родной культуры.

Если учитель сам не знает, когда празднуются Осенины, что такое колядование или как играть в пасхальные «битки», он не сможет увлечь детей. Вместо живой традиции получится формальное мероприятие, которое лишь укрепит мысль, что это «скучно и ненужно». Задача педагога — не просто информировать, а зажечь интерес. Поэтому прежде чем требовать от учителя передачи традиций, нужно создать систему, где он сам сможет их освоить: через курсы, погружение в фольклорную среду, семейный опыт. Иначе слепой поведёт слепого, и культурная нить останется разорванной.

Восстановление связи между поколениями требует системного подхода, охватывающего семью, школу и культурные институции. Опираясь на идеи Волкова и практический опыт, можно выделить несколько взаимосвязанных направлений.

Игра. Волков называет игру «самой эффективной практической педагогикой, материализованной сказкой» [1, с. 32]. В игре ребёнок не просто

получает информацию, а проживает её, осваивает ценности через действие. Родители могут вводить в домашние игры не западных супергероев, а традиционных персонажей: Илью Муромца (сила и справедливость), Василису Премудрую (мудрость), Домового (хранитель дома), даже Бабу Ягу, которая в сказках не однозначный злодей, а персонаж, испытывающий героя. За этими образами стоят иные ценности: добро, справедливость, уважение к старшим, любовь к родной земле.

Интерактивные игровые форматы уже успешно работают. В Краеведческом музее Бийска проводят программы, где Масленица — это подвижные игры и угощение, Святки — колядки и ряжение, Пасха — катание яиц и битки [3]. Такие модели легко масштабировать для школ и семьи.

Семейное пение. Когда народная песня звучит в исполнении близких людей, создаётся атмосфера единения. Волков подчёркивает: «песни являются средством воздействия на чувства и сознание» [5]. Родителям, не знающим репертуара, помогут аудио- и видеозаписи, фольклорные студии, старые фильмы. Начать можно с того, что на слуху: «Вдоль по Питерской» или «Ой, мороз, мороз».

Семейный просмотр. Мало поставить ребёнку «Морозко» или «Трёх богатырей» — важно смотреть вместе и обсуждать. Почему тает Снегурочка? Зачем сжигают чучело на Масленицу? В таких разговорах старшие делятся воспоминаниями, родители находят дополнительную информацию, дети получают живое представление о традиции. Кино становится мостом между поколениями.

Современные технологии. Нейросети помогают создавать картинки старинных обрядов, анимационные ролики. На образовательных платформах можно установить чат-ботов, которые в игровой форме рассказывают о праздниках. Это не подмена традиции «цифрой», а адаптация языка к привычному для молодёжи формату восприятия.

Педагогическая культура родителей. Волков, опираясь на наследие Коменского, подчёркивал значение «материнской школы» [6]. Сегодня родителям нужна методическая, информационная, организационная поддержка. Её могут давать школы, детские сады, культурные центры. В Оренбургском педагогическом университете проводят лектории для родителей о семейных ценностях и народных традициях — такие площадки помогают обмениваться опытом и чувствовать себя частью сообщества [5].

Проблема, которую мы обсуждаем — исчезновение народных традиций в треугольнике «родители — дети — учителя», — носит системный характер. А значит, и решение её может быть только системным. Бессмысленно работать только с детьми, если родители остаются в стороне, или только с учителями, если они не чувствуют поддержки семьи. Необходимо одновременно действовать по всем трём направлениям: давать родителям недостающие знания о традициях, специально готовить учителей к этой работе, и — что,

пожалуй, самое важное — создавать для детей возможность живого, радостного, игрового прикосновения к родной культуре.

В заключение отметим, что сегодня возвращение к народным традициям — это не ностальгический уход в прошлое, не попытка законсервировать старину ради самой старины. Это насущная необходимость, работа над фундаментом, на котором строится личность. Это вклад в духовное здоровье общества, который отзовётся в будущем поколениях, если мы, взрослые, возьмём на себя ответственность за восстановление этой прерванной, но всё ещё живой связи.

Список литературы:

1. Волков Г.Н. Этнопедагогика : учебник для студ. сред. и высш. пед. учеб. заведений / Г.Н. Волков ; под ред. И.Т. Огородникова. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Академия, 2000. — 176 с.

2. У Рождества в России интересная и непростая история : МБОУ «СОШ №42» г. Воркуты. — 2025. — 7 января.: https://shkola42vorkutavorkuta-r11.gosweb.gosuslugi.ru/roditelyam-i-uchenikam/novosti/novosti_1154.html (дата обращения 27.03.2026)

3. Цикл программ «Народный календарь» (0+). Краеведческий музей г. Бийска. — 2023. — 20 февраля.: <https://www.biyskmuseum.ru/> (дата обращения 27.03.2026)

4. Традиции Рождества в России: история и обычаи праздника : Lenta.ru. — 2025. — 23 декабря.: <https://lenta.ru/articles/2025/12/23/traditsii-rozhdestva-v-rossii/> (дата обращения 27.03.2026)

5. Педагогический лекторий «Семейные ценности — народные традиции» : Оренбургский государственный педагогический университет. — 2022. — 6 февраля.: <https://ospu.ru/> (дата обращения 27.03.2026)

6. Федосова О.В. Приобщение к культурным традициям российского народа на основе взаимодействия педагог — ребёнок — родитель / О.В. Федосова // Издательский дом «Среда».: <https://phsreda.com/> (дата обращения 27.03.2026)